

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ДЕРЕГИОНАЛИЗАЦИЯ НА БАЛТИКЕ И В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ *НАВСТРЕЧУ ЕДИНОМУ РЕГИОНУ БЕЗОПАСНОСТИ?*

ВЛАДИСЛАВ ВОРОТНИКОВ
ЕВГЕНИЙ ПАНКОВ
ДЕНИС НЕСТЕРОВ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Через призму теории региональных комплексов безопасности, а также с опорой на отечественные исследования региональной безопасности анализируется трансформация балтийского и черноморского регионов в контексте ухудшения отношений России и Запада после 2014 года. Эта трансформация рассматривается как сочетание двух разнонаправленных тенденций: регионализации и дерегионализации. Теоретическая новизна работы состоит в уточнении результатов исследований региональной безопасности, проведенных представителями Копенгагенской школы и теории РКБ, с учётом изменений военно-политической обстановки в Европе. В результате критически пересмотрено положение прибалтийских республик и Турции в восточноевропейской системе безопасности, а также обращено внимание на формирование институционализированных связей в сфере безопасности между балтийскими и черноморскими государствами. Рассмотрены тенденции, способствующие складыванию единого Балто-Черноморского региона безопасности, а также факторы, сдерживающие этот процесс. В этой связи анализируются подходы ключевых игроков к региональному строительству в Балтийском и Черноморском регионах, а также трансформация региональных институтов, что в перспективе может означать формирование в Балто-Черноморском субрегионе полноценной системы безопасности.

Ключевые слова:

Копенгагенская школа; безопасность; украинский кризис; региональный комплекс безопасности; регион безопасности; Балтийский регион; Черноморский регион

Введение

Эскалация украинского кризиса и вступления Финляндии и Швеции в НАТО привели к трансформации системы военно-политических отношений на востоке Европы. Эти изменения обусловили прио-

ритетное значение для безопасности России процессов в Балтийском и Черноморском субрегионах Европы, где военно-политическое противостояние России и Запада проявляется в наиболее острой форме.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-10015, <https://rscf.ru/project/24-48-10015/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.12.2024

Дата принятия к публикации: 03.10.2025

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: vorotnikov.vladislav@gmail.com

Существующие исследования предлагают разнообразные подходы к анализу вопросов безопасности в Балтийском и Черноморском регионах. Проблемы безопасности в Балтийском регионе через призму теории секьюритизации рассматривались в работах Р. Кальюранд и М. Мялксон [Kaljurand, Mäksö 2010]. Сотрудничество между скандинавскими и балтийскими государствами в сфере безопасности в 1989–2004 годы подробно проанализировано Н.Е. Белухиным и В.В. Воротниковым [Белухин, Воротников 2024]. Вопросам безопасности в Черноморском регионе посвящены работы О.М. Тупота [Тупота 2015], а также А.А. Ирхина и О.А. Москаленко [Ирхин, Москаленко 2021]. Взгляд на Причерноморье с позиций Копенгагенской школы представлен в работе А. Барриньи [Barrinha 2013]. Концептуальное осмысление феномена Балто-Черноморья предложено в работах М.В. Ильина [Ильин 2009], В.Л. Цымбурского [Цымбурский 1998], П. Синовец и А. Максименко [Sinovets, Maksymenko 2020]. Однако до настоящего момента не предпринимались попытки сопоставить и связать трансформацию среды безопасности на пространствах Балтики и Причерноморья в контексте кризиса в отношениях России и Запада после 2014 г. и особенно — после февраля 2022 года. Предлагаемое исследование направлено на поиск ответа на вопрос о динамике и соотношении изменений среды безопасности в Балтийском и Черноморском регионах.

Авторы выдвигают гипотезу, согласно которой после 2014 г. кризис институтов сотрудничества в Балтийском и Черноморском регионах подталкивает их к слиянию и поляризации в контексте противостояния России и Запада.

Статья состоит из введения, раздела «Методология», основной части (четырёх разделов) и заключения. В методологическом разделе описывается исследователь-

ский подход, выбранный для достижения обозначенной цели работы, подчёркивается разрыв между концептуально-теоретической базой и сложившимися после 2014 г. международными реалиями. В первом разделе основной части описывается усиление кооперативных тенденций в Балтийском и Черноморском регионах в 1991–2014 гг., формирование уникальной субрегиональной повестки дня в области безопасности, нашедшей институциональное выражение. Во втором — параллельный процесс оформления разделительных линий в каждом из рассматриваемых регионов и тенденции к дерегионализации в тот же период. В третьем обращено внимание на возобладание конфликтности над сотрудничеством в Балтийском и Черноморском регионах после 2014 г., что привело к разрушению способствовавших регионализации институтов. В последнем, четвёртом, разделе основной части авторы указывают на тенденции, свидетельствующие о слиянии двух субрегионов, однако обращают внимание и на явления, которые этот процесс сдерживают. В заключении обобщены основные выводы каждого раздела, подчёркнуто значение описанных процессов для безопасности России.

Методология

Выбранный исследовательский подход соответствует логике теории региональных комплексов безопасности (РКБ), предложенной Б. Бузаном и О. Уэвером. РКБ — это «совокупность акторов, проблемы безопасности (процессы секьюритизации и/или десекуритизации) которых связаны настолько тесно, что их нельзя анализировать или разрешать отдельно друг от друга» [Buzan 1983: 106; Buzan, Wæver 2003: 44]. Однако предложенные в 2003 г. границы западноевропейского РКБ в значительной мере соответствовали реалиям конца XX века: в частности, к категории пери-

¹ Бузан и Уэвер используют термин *insulator* [Buzan, Wæver 2003: 41]. А.Д. Воскресенский для описания пространств «изолирующих динамику процессов, происходящих в сопредельных региональных комплексах» предложил применять понятие «буферное пространство» [Воскресенский 2019: 675–695]. Однако сами Бузан и Уэвер разграничивают понятия *insulator* и *buffer*: первое описывает

ферийных пространств¹, не входящих ни в западноевропейский, ни в постсоветский РКБ, были отнесены Латвия, Литва, Эстония и Турция [Buzan, Wæver 2003: xxvii].

События, последовавшие за публикацией работы авторов, значительно изменили конфигурацию европейской системы безопасности. Это, в свою очередь, требует актуализации границ РКБ и переосмысления роли в них отдельных государств. Например, уже в 2010 г. Т.В. Юрьева обращала внимание на «субрегионализацию европейского региона безопасности», то есть на формирование специализированных форматов межгосударственного сотрудничества в отдельных субрегионах Европы для взаимодействия по конкретным вопросам безопасности [Юрьева 2010: 128]. Данное исследование направлено на развитие этой идеи.

В основе РКБ лежит международно-политический регион, под которым понимается «комплекс устойчивых транснациональных хозяйственных и/или иных связей, в котором регулярность и плотность этих связей достигла величины, когда существование комплекса уже требует регулирования этих отношений как самих по себе, так и его связей с непосредственно затрагиваемыми государствами, а также его взаимосвязей с международными и/или глобальными институтами» [Косолапов 2010: 31]. При выделении абстрактного концепта «регион» необходимо опираться на реальные признаки процесса регионализации, который подразумевает повышение плотности и регулярности упомянутых связей. Последние могут находить выражение в деятельности организаций и институтов, которые «формируют у участников ощущение общности их интересов и спо-

собствуют созданию общей идентичности» [Aydin 2005: 58]. Границы региона в таком случае определяются границами региональных институтов.

В этой связи создание и/или активизация региональных форматов межгосударственного взаимодействия может рассматриваться как один из индикаторов процессов регионализации — наряду с повышением частоты упоминания региона в официальных декларациях и экспертно-аналитических текстах [Байков 2010: 65; Paasi 2011: 10–11; Hettne, Söderbaum 2000: 457; Fawcett 2004: 431]. Проявление этих тенденций на более низовом уровне свидетельствует о субрегионализации². Согласно теории Б. Бузана и О. Уэвера, соответствующие тенденции могут приводить к формированию субкомплексов региональной безопасности — «РКБ внутри РКБ»³. В свою очередь, обратные процессы могут свидетельствовать о дерегионализации. В обоих случаях ключевым субъектом структурирования пространства является государство. Для достижения цели исследования в работе будет проанализирована трансформация региональных институтов безопасности в Балтийском и Черноморском регионах в 1991–2025 гг., а также концептуальные документы сторон, отражающие подходы к региональному строительству.

При этом в соответствии с моделью, предложенной А. Пааси, образование региона рассматривается как результат четырёх процессов: территориального оформления; символического оформления; институционализации и складывания региональной идентичности [Paasi 2011: 12–13]. Следует также принять во внимание замечание Б. Хеттне и Ф. Сёдербаума, которые, схожим образом разделяя регионализацию на

пространство, находящееся на периферии комплексов безопасности, второе — пространство в самом центре секьюритизации и конфронтации. Авторы же данной работы, не посягая на окончательное разрешение терминологической неопределённости, в качестве эквивалента термину *insulator* здесь и далее используют понятие периферийное пространство.

² При этом в зависимости от выбранной аналитической оптики и исследовательской задачи один и тот же регион может рассматриваться и как субрегион, и как регион.

³ «Субкомплексы представляют собой отдельные паттерны взаимозависимости в сфере безопасности, которые всё же являются элементом более широкого паттерна, определяющего РКБ в целом». Применительно к европейскому РКБ примером такого субкомплекса являются Балканы. Подробнее см. [Buzan, Wæver 2003: 51–52, 62].

элементы⁴, предостерегают от интерпретации этих составляющих в качестве последовательных этапов — эти элементы могут оформляться одновременно [Söderbaum, Hettne 1998: 7].

Субрегионализация безопасности:

Балтика и Причерноморье после 1991 года

В 2003 г. Б. Бузан и О. Уэвер исходили из того, что в Балтике граничат два РКБ — западноевропейский и постсоветский, а разделительная линия между ними унаследована из биполярной эпохи. Однако уже в 1990-е годы процесс субрегионализации в балтийском ареале европейского РКБ получил новый импульс [Воротников et al. 2019: 55–60]. Расширение многостороннего сотрудничества позволило исследователям говорить об «эйфории регионализма» в Балтийском субрегионе [Wittmann 2022: 3]⁵. При этом институционализация взаимодействия проходила с участием России⁶. Сформировалась также двусторонняя договорно-правовая база сотрудничества России и государств региона⁷. У субрегионализации было и дискурсивное выражение; на концептуальном уровне как отдельный регион Балтика упоминалась в совместном заявлении участников первого саммита СГБМ (1996)⁸ и в Стокгольмской декларации о росте и развитии в регионе Балтийского моря 1996 года⁹.

В свою очередь, для Причерноморья после 1991 г. проблематика «жёсткой» безопасности сохранила актуальность (углублению внутрирегиональной кооперации препятствовало наличие этнических проти-

воречий и территориальных споров), хотя вероятность прямого военного конфликта между ведущими игроками оставалась низкой. Как и для Балтики, 1990-е годы стали для Причерноморья временем институционализации в сфере безопасности и экономического сотрудничества: были созданы Организация черноморского экономического сотрудничества (1992), Черноморский банк торговли и развития (1997) и ГУ(У)АМ (1997). В регионе также возникла сеть двусторонних соглашений о свободной торговле [Tolga Bölükbaşı, Ertugal 2012: 10–11].

Проводником субрегионализации здесь тоже были объединяющие все причерноморские государства институты сотрудничества, чья деятельность была направлена на решение специфических проблем субрегиона. Регулирование же «жёсткого» измерения безопасности осуществлялось сторонами либо на двусторонней основе, либо в рамках институтов, чья зона ответственности была шире (ОБСЕ, ОДКБ, НАТО, ЕС).

Таким образом, объективные изменения международной реальности выразились в изменении подходов государств к структурированию регионального пространства. Вследствие трансформации повестки регионального сотрудничества вокруг Балтийского и Чёрного морей произошло стремительное образование сети институтов для взаимодействия по исключительно субрегиональной проблематике «жёсткой» и «мягкой» безопасности, которая представляла собой промежуточный уровень между национальной и общеевропейской безо-

⁴ Их подход к регионализации включает только «пространственный», «институциональный» и «идентитарный» элементы.

⁵ В 1990 г. была создана «Коалиция чистая Балтика», в 1991 — Союз балтийских городов и Балтийская ассамблея, в 1992 — Совет государств Балтийского моря (СГБМ) и NB8, в 1994 — Балтийский совет министров.

⁶ Россия с 1992 г. участвовала в СГБМ, с 1997 — в Северном измерении, с 1998 — в формате Еврорегион «Балтика».

⁷ Например, Соглашения о сотрудничестве в области рыбного хозяйства с Латвией (1992), Швецией (1992), Финляндией (1994), Эстонией (1994), Польшей (1995) и Литвой (1999).

⁸ 1st Baltic Sea States Summit, Visby, 3-4 May, 1996. URL: www.cbss.org/wp-content/uploads/2020/05/1996-1st-Baltic-Sea-States-Summit-Presidency-Declaration.pdf (accessed: 02.08.2024).

⁹ Annual Report from the Committee of Senior Officials, The 4th Year of the Council's Activity 1995-1996, 2-3 July 1996. URL: https://cbss.org/wp-content/uploads/2020/04/CBSS_AnnualReport_1995-96.pdf (accessed: 20.10.2025).

пасностью. Это позволяет сделать вывод о формировании балтийского и черноморского субкомплексов региональной безопасности на границе европейского и постсоветского РКБ.

Дерегионализация и разделительные линии на Балтике и в Причерноморье в 1991–2014 годы

Кооперативным тенденциям сопутствовали конфронтационные мотивы: динамика отношений в субрегионах зависела от системных факторов, прежде всего — от разногласий между Россией и Западом по проблемам «жёсткой» безопасности.

Вступление Швеции и Финляндии в ЕС (1995), а также Латвии, Литвы и Эстонии — в ЕС и НАТО (2004) привело к появлению разделительных линий в системе балтийских институтов. Эта тенденция отразилась и в оценках европейских аналитиков о «европеизации» региона и превращении Балтийского моря во «внутреннее море ЕС» [Kern 2011: 27]. При этом даже в тот период истории регионального строительства, когда кооперативное начало явно преобладало, признаки секьюритизации в отношении России в регионе сохранялись и ярче всего это выражались во внешнеполитической риторике политиков Латвии, Литвы и Эстонии [Jæger 2000: 24–31].

Включение Европейского союза в число участников обновлённой в 2006 г. програм-

мы «Северное измерение» вместе с Норвегией, Исландией и Россией отразил тенденции на формирование внутри региона «блоковости» и искусственного расширения его границ¹⁰. Так, соглашение о сотрудничестве в области рыболовства и сохранения живых морских ресурсов в Балтийском море в 2009 г. Москва также заключала уже с Брюсселем¹¹. После расширения 2004 г. сотрудничество в рамках Балтийской сети еврорегионов также стало строиться по модели «ЕС и его восточные соседи»¹².

При этом Балтийский регион, не упоминавшийся ни в Стратегии безопасности ЕС 2003 года¹³, ни в Глобальной стратегии 2016 года¹⁴, был всё же обособленным объектом в первой макрорегиональной Стратегии ЕС для региона Балтийского моря, работа над которой началась в 2007 году: сфера её приложения ограничивалась территорией ЕС и не могла включать территорию России. В европейском аналитическом сообществе также появилась точка зрения о том, что «[балтийский] ареал следует рассматривать как европейский субрегион, а не как отдельный регион» [Hubel 2004: 283].

Институционализация гетерогенности в системе регионального сотрудничества вызвала озабоченность Москвы¹⁵. Среди региональных институтов Россия традиционно отдавала приоритет зонтичной структуре СГБМ как наиболее эффективному

¹⁰ Участие в работе «Северного измерения» принимали также представители Европейского инвестиционного банка — финансово-кредитного учреждения ЕС. См.: *Henriksson M.* The New Northern Dimension Policy // *Rannsóknamiðstöð Háskólans á Akureyri*. URL: https://www.rha.is/static/files/NRF/OpenAssemblies/Oulu2006/third-theme_henriksson.pdf. P. 118. (accessed: 04.08.2024).

¹¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским сообществом о сотрудничестве в области рыболовства и сохранения живых морских ресурсов в Балтийском море // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902182268> (дата обращения: 02.08.2024).

¹² См., например: Kick-Off Conference for the Baltic Euroregional Network // The Nordic Council of Ministers' Office in Latvia. 06.09.2005. URL: <https://norden.lv/en/whats-new/news/100719-tiks-raditaplatforma-eiroparegionu-sadarbibai-baltijas-juras-valstis/> (accessed: 04.08.2024).

¹³ Европейская стратегия безопасности. Безопасная Европа в лучшем мире. Люксембург: Бюро официальных публикаций Европейских Сообществ, 2009. С. 7.

¹⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. 2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed: 04.08.2024).

¹⁵ *Herolf G.* Cooperation in the North — Multilateralism or Mess? Mercury E-paper. No. 7. 2010. URL: http://mercury.uni-koeln.de/fileadmin/user_upload/E-paper_no7_r2010.pdf. P. 19. (accessed: 20.10.2025).

формату, что нашло отражение в Концепциях внешней политики 2013 и 2016 годов¹⁶. Линия на формирование в регионе инклюзивного «пространства стабильности и безопасности» с участием всех балтийских государств последовательно проводилась российской дипломатией с конца 1990-х годов [Воронов 2003: 73].

Таким образом, в балтийском ареале происходило столкновение двух вариантов регионального строительства, предложенных Брюсселем и Москвой. В этих условиях Латвия, Литва и Эстония, солидаризируясь с западноевропейским подходом к региональному взаимодействию, утратили статус периферийных пространств (*insulators*), характерный для них в 1990-е годы, что позволило исследователям уже в 2002 г. рассматривать использование понятия «буфер» в отношении Балтии как необоснованное [Maciejewski 2002: 468–484]. Из-за вступления трёх республик в НАТО и ЕС на смену разделительной линии между постсоветским и западноевропейским РКБ, выделенными Б. Бузаном и О. Уэвером в 2003 году, пришла разделительная линия внутри нового балтийского субкомплекса, определившая его полярную структуру, которая проявилась при нарастании конфликтности в отношениях России и НАТО.

В Причерноморье, несмотря на стремительное развитие региональной кооперации после 1991 года, ведущие игроки

по-разному видели будущее регионально-го строительства, что стало проявляться уже в 2000-е годы. США, будучи внерегиональным актором, в 1990–2000-е годы исходили из расширительной трактовки границ Черноморского региона¹⁷. В этой связи в аналитическом сообществе и официальных зарубежных дискурсах приобрёл популярность термин «Большое Причерноморье» (*wider Black Sea region*), подчёркивающий наличие связи между динамикой безопасности в Причерноморье и соседних регионах.

«Расширяя» границы региона, Вашингтон рассматривал НАТО в качестве основного инструмента обеспечения стабильности в Причерноморье. Так, в 2006 г. США предложили включить Чёрное море в зону проведения средиземноморской операции НАТО «Активные усилия», однако инициатива столкнулась с сопротивлением Москвы и Анкары.

После расширения ЕС в 2007 г. в черноморском ареале стали проявляться признаки столкновения европейского и российского подходов к региональному строительству, аналогичные тем, что наблюдались в балтийском субрегионе после расширения ЕС в 2004 году. Черноморский регион, с одной стороны, являлся международным регионом безопасности, участником которого являлась Россия, а с другой — стал субрегионом Европейского союза, который в 2007 г. приобрёл статус «черномор-

¹⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499003797> (дата обращения: 02.08.2024); Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384312?marker=656010> (дата обращения: 02.08.2024).

¹⁷ Углубляя дипломатическую вовлечённость в региональные процессы, Вашингтон поощрял деятельность ГУАМ и сопутствующих расширенных форматов, в том числе с участием нечерноморских государств. Например, в 2005 г. в качестве наблюдателя на кишинёвской встрече глав Азербайджана, Грузии, Литвы, Молдавии, Румынии и Украины присутствовал специальный представитель США по Нагорному Карабаху и конфликтам в Евразии. На саммите было принято совместное заявление «Развитие демократии от Балтийского к Чёрному морю» — в нём также динамика безопасности в Причерноморье увязывалась с положением в соседних регионах. См.: Building Democracy from the Baltic to the Black Sea. Joint Statement by the Heads of State of Azerbaijan, Georgia, Lithuania, Moldova, Romania and Ukraine. 27.04.2005. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/c/f/14476.pdf> (accessed: 04.08.2024). Соответствующим образом развивалось сотрудничество в рамках поощряемого Вашингтоном формата «Содружество демократического выбора», который на ценностно-идеологической основе объединил как черноморские, так и балтийские государства.

ской державы» [Aydin 2004: 3] и стал постоянным наблюдателем при ОЧЭС¹⁸. ЕС стал рассматривать Причерноморье не только в качестве пограничного пространства, но и в качестве объекта «внутренней» региональной политики¹⁹. Вследствие этого в европейском аналитическом сообществе также стало проявляться восприятие Чёрного моря в качестве «юго-восточного угла Европы» [Åtland 2021: 305; Aydin 2005].

Региональные инициативы ЕС, такие как «Черноморская синергия» и «Восточное партнёрство», были направлены на углубление сотрудничества со странами региона и «мягкое» создание благоприятной внешней среды для развития интеграционного проекта. Однако если в случае «Черноморской синергии» речь шла о сотрудничестве Брюсселя с региональными институтами в Причерноморье с участием России в качестве члена ОЧЭС, то «Восточное партнёрство» предполагало развитие двустороннего взаимодействия с участниками программы без вовлечения России [Гаврилова 2020: 417]. Не предполагала участия России и выдвинутая Румынией инициатива организации Черноморского форума диалога и партнёрства²⁰.

Шаги Брюсселя в направлении «интернализации» регионального взаимодействия были поддержаны некоторыми представителями аналитического сообщества, призвавшими к проведению региональной политики «по балтийскому образцу» [Aliboni 2006; Rusu 2011]. Однако такой подход, обладая безусловными преимуществами для стран-членов ЕС, стал одним из драйверов формирования блоковой структуры как Балтийского, так и Черноморского субрегионов безопасности. Реализуя

этот подход, ЕС в 2011 г. принял Стратегию в отношении черноморского региона²¹.

Создание Брюсселем эксклюзивных форматов регионального сотрудничества вызвало негативную реакцию Москвы и Анкары. Главным отличием подходов России и Турции, с одной стороны, и США и ЕС — с другой, к структурированию регионального пространства было стремление первых к выстраиванию взаимодействия по проблемам черноморской безопасности в пределах региона в узком смысле, то есть исключительно между прибрежными государствами. В частности, в 2006 г. Россия и Турция наложили вето на предложение США включить Чёрное море в зону реализации программы НАТО «Активные усилия».

Россия с опасением воспринимала вовлечение США и ЕС в процессы формирования региональной архитектуры, выступая за развитие связей между прибрежными странами. В числе её инициатив были создание Черноморского электроэнергетического кольца, установление регулярного пассажирского и паромного сообщения между портами. Кроме того, Москва скептически относилась к участию западных стран в процессе урегулирования региональных конфликтов. Расхождения в позициях также проявились в отношении политического кризиса в Украине в 2004 году.

Тем не менее возражения России не останавливали США от попыток укрепить влияние в Причерноморье. Косвенно этому способствовало стремление Вашингтона к расширению НАТО. Основными кандидатами на вступление ещё с начала 2000-х годов были Грузия и Украина. В апреле 2008 г. в декларации по итогам саммита в Бухаресте указывалось: «Сегодня мы пришли к согла-

¹⁸ BSEC-EU Cooperation. URL: <https://www.bsec-organization.org/areas-of-cooperation/bsec-eu-cooperation> (accessed: 01.10.2025).

¹⁹ См., например: Directive 2008/56/EC of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 establishing a framework for community action in the field of marine environmental policy (Marine Strategy Framework Directive) // Official Journal of the European Union. 2008. P. L164/19.

²⁰ В единственном саммите летом 2006 г. приняли участие Армения, Азербайджан, Грузия, Молдавия, Румыния и Украина, а Болгария и Турция выступили в качестве наблюдателей.

²¹ European Parliament resolution of 20 January 2011 on an EU Strategy for the Black Sea // European Parliament. 20.01.2011. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2011-0025_EN.html (accessed: 04.08.2024).

шению о том, что эти страны станут членами НАТО»²². Решение о начале вступления Грузии и Украины в североатлантический блок в 2008 г. не было принято лишь ввиду твёрдой позиции Франции и Германии. Но уже тогда всё более явно стало проявляться стремление Вашингтона к размыванию региональных границ. В этой связи Россия стремилась перехватить инициативу в обсуждении проблем европейской безопасности, включая Балтику и Причерноморье. В 2008 г. президент Д.А. Медведев выступил с концепцией Договора о европейской безопасности, которая предполагала «неделимость» европейской безопасности²³. Однако эта инициатива не нашла поддержки среди европейских государств.

Институциональные инициативы Турции, в свою очередь, также были направлены на укрепление безопасности в Чёрном море силами прибрежных государств и противостояние негосударственным угрозам. В 1998 г. по инициативе Анкары начались переговоры о создании многосторонней корабельной группы для поддержания безопасности на море. В 2001 г. Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия (*BLACKSEAFOR*) начала работу в составе Болгарии, Грузии, России, Румынии, Турции и Украины. Деятельность института была направлена на проведение противоминных, гуманитарных, поисковых и спасательных операций, а также защиту окружающей среды²⁴.

В 2004 г. Турция предложила создать новый формат сотрудничества ВМС прибрежных стран региона — «Черноморская гармония» — для повышения оперативной совместимости ВМС черноморских государств в борьбе с негосударственными угрозами и незаконным мореплаванием.

В 2006 г. к нему присоединилась Россия, в 2007 — Украина, в 2008 — Румыния. В 2008 г. на фоне нестабильности в Южной Осетии Анкара предложила создать «Платформу по сотрудничеству и стабильности на Кавказе» с участием Грузии, Армении, Азербайджана и России для разрешения региональных противоречий. Как видно, турецкие инициативы не предполагали участия внерегиональных игроков и фактически являлись ответом на укрепление позиций США в регионе. В августе 2008 г., во время проведения Россией миротворческой операции по принуждению Грузии к миру, Турция, следуя положениям Конвенции Монтрё, закрыла проливы для американских кораблей.

Следовательно, структурирование регионального пространства в Причерноморье после 1991 г. осуществлялось под влиянием двух внерегиональных центров силы (США, ЕС) и двух региональных (Россия, Турция). Последняя в 2003 г. была отнесена Б. Бузаном и О. Уэвером к категории «периферийных пространств» между РКБ Западной Европы, Персидского Залива и постсоветского пространства [Buzan, Wæver 2003: xvi]. Однако при выделении черноморского субкомплекса описанные выше усилия Анкары по созданию и продвижению новых форматов регионального сотрудничества позволяют рассматривать её в качестве одного из региональных центров силы, который оказывает формирующее влияние не только на соотношение сил в Причерноморье, но и на вектор регионализации.

Таким образом, конфронтационные тенденции в черноморском субкомплексе региональной безопасности определялись разностью подходов ключевых игроков к региональной консолидации, в то время как

²² Заявление по итогам встречи в верхах в Бухаресте, обнародовано главами государств и правительства, участвовавшими в заседании Североатлантического совета в Бухаресте 3 апреля 2008 года. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_8443.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 17.08.2025).

²³ Медведев Д.А. Выступление на встрече с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии, 5 июня 2008 года, Берлин // Президент России. 05.06.2008. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/320/> (дата обращения: 17.08.2025).

²⁴ BLACKSEAFOR // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/blackseafor.en.mfa> (accessed: 03.08.2024).

потенциал сотрудничества реализовывался посредством взаимодействия по специфическим проблемам безопасности, которое в 1990–2000-е годы способствовало развитию регионализации в Причерноморье. На Балтике же продолжению многостороннего взаимодействия также сопутствовало институциональное закрепление «разделительных линий» в регионе: инкорпорация повестки сотрудничества в политику Евросоюза и НАТО, в то время как инклюзивным форматам кооперации с участием России западные государства стали уделять второстепенное внимание. Как видно, в обоих ареалах признаки столкновения подходов ведущих игроков к региональному строительству стали проявляться до 2014 г.

Дерегионализация на Балтике и в Причерноморье после 2014 г.

Следствием начала украинского кризиса в 2014 г. стало нарастание политических разногласий между государствами в Балтийском и Черноморском регионах. Это, в свою очередь, способствовало приоритизации конфронтационной модели и снижению интенсивности сотрудничества по специфическим региональным вопросам по причине его политической обусловленности. Эрозия региональных институтов привела к фрагментации и поляризации балтийского и черноморского субкомплексов.

После 2014 г. столкновение европейского и российского вариантов регионализма в Балтийском регионе стало более явным. Страны Запада в лучшем случае исходили из намерения расширять региональное сотрудничество друг с другом в рамках институтов НАТО и ЕС, а в худшем – рассматривали «российскую угрозу» в качестве одного из консолидирующих факторов для создания региональной архитектуры без участия Москвы.

Осенью 2014 г. на Уэльском саммите НАТО Великобритания приступила к реали-

зации инициативы по созданию Совместных экспедиционных сил (*Joint Expeditionary Force*). Участие в проекте приняли все государства Балтийского региона, кроме России²⁵. В 2018 г. все страны Балтики, за исключением России, присоединились к Европейской инициативе вмешательства (*EI2*), созданной под эгидой Франции. Её деятельность направлена на сближение военных доктрин государств-участников, координацию военного планирования и обмен разведывательной информацией²⁶. Помимо этого, в принятой в 2018 г. участниками *NORDEFCO* программе *Vision 2025* также не предусматривалось выстраивание кооперативных связей с Россией по вопросам региональной безопасности.

Другим проектом в балтийском регионе без российского участия стал газопровод *Baltic Pipe*, запущенный осенью 2022 года. Без участия Москвы реализовывался и трансрегиональный инфраструктурный проект *Rail Baltica/Rail Baltica II*, хотя Москва стояла у его истоков в 1994 году. После вступления Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС в 2004 г. Россия оказалась вне поля реализации этой инициативы, которая после 2014 г. приобрела ярко выраженный политический, а затем и военно-технический характер [Воротников 2016: 30].

После 2022 г. участие России в деятельности региональных институтов прекратилось полностью. Таким образом, конфронтационная дихотомия «Россия – Запад» возобладала над специфическими проблемами сотрудничества в Балтийском регионе, которые лежали в основе регионализации в 1990-е годы. Вследствие этого наметилась тенденция к разрушению инклюзивных многосторонних институтов и дерегионализации: Россия стала «внеинституциональным игроком» [Воротников et al. 2019: 53] в регионе, однако сохранила влияние на динамику безопасности в Балтике в силу своей географии.

²⁵ Швеция и Финляндия присоединились к нему в 2017 году.

²⁶ Boffey D. Nine EU states sign off on joint military intervention force // The Guardian. 25.06.2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jun/25/nine-eu-states-to-sign-off-on-joint-military-intervention-force> (accessed: 20.10.2025).

Украинский кризис 2014 г. также спровоцировал сворачивание процессов регионализации в Причерноморье: институты многостороннего сотрудничества с участием России либо прекратили функционировать, либо утратили практическую значимость. Причиной стало преобладание конфронтационной составляющей нерегионального противостояния России и западных стран над кооперативным потенциалом сотрудничества по специфическим проблемам черноморской безопасности. Три нейтральных государства — Грузия, Молдавия и Украина — заключили Соглашения об ассоциации с ЕС, подтвердив свой курс на сближение с «евроатлантическим» полюсом черноморского субкомплекса. Также укреплялось сотрудничество между Украиной и государствами-членами НАТО на двусторонней основе. В Глобальной стратегии ЕС 2016 г. утверждалось, что «затяжные конфликты в Большом Причерноморье представляют вызов для самих основ европейской системы безопасности»²⁷. Таким образом, концептуально было закреплено расширительное толкование границ Черноморского региона и рассмотрение его в качестве части европейского пространства, а не самостоятельного целого. В этой связи Брюссель стремится к инструментализации региональных институтов — прежде всего ОЧЭС — для реализации собственных целей. После 2022 г. ЕС фактически заморозил сотрудничество с ОЧЭС из-за членства в ней России²⁸. Москва, в свою очередь, прекратила выплачивать взносы в ПАЧЭС.

Солидарная с США и ЕС позиция Турции в отношении российско-украинского кризиса также способствовала дальнейшей поляризации черноморского региона безопасности. Это соответствующим

образом отразилось и на восприятии Турции в Москве²⁹. Анкара активизировала военно-политическое сотрудничество с Киевом, а также прекратила реализацию внутрирегионального проекта *BLACKSEAFOR* с участием России. Вследствие этого после 2014 года, на фоне эрозии региональных институтов, черноморский субкомплекс также приобрёл устойчивую биполярную структуру «Россия/Абхазия/Южная Осетия — НАТО/ЕС».

Таким образом, обострение военно-политических разногласий между Россией и странами Запада после 2014 г. привело к разрушению региональных связей в сфере невоенной безопасности, определявших целостность балтийского и черноморского субкомплексов: «общеевропейские» конфронтационные мотивы возобладали над специфически региональными кооперативными.

Навстречу Балто-Черноморскому региону безопасности?

В условиях усилившихся тенденций дерегионализации интенсивность сотрудничества в сфере безопасности между балтийскими и черноморскими государствами, за исключением Москвы и Минска, значительно возросла после 2022 года. В результате вступления Швеции и Финляндии в НАТО впервые сформировалась устойчивая система институционализированных обязательств (гарантированная пятой статьёй Вашингтонского договора 1949 года) в сфере «жёсткой» безопасности между всеми государствами Балтийского региона (кроме России), Турцией и Польшей, географически связывающей Балтику и Причерноморье. Активно развивается их сотрудничество и в сфере невоенной безопасности.

²⁷ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. P. 33.

²⁸ Редакция сайта ТАСС. Генсек ОЧЭС заявил, что ЕС не хочет сотрудничать с организацией из-за членства РФ // ТАСС. 16.03.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20249939> (дата обращения: 20.10.2025).

²⁹ См., например: Редакция сайта ТАСС. Генштаб: Черноморский флот России может уничтожить десант противника еще в портах // ТАСС. 14.09.2016. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/3619937> (дата обращения: 20.10.2025).

После февраля 2022 г. усилилось также влияние балтийских государств на баланс сил в Причерноморье. Дания, Польша, Норвегия и Финляндия – в числе лидеров по объёму помощи Украине³⁰. Дания, присоединившись к *PESCO* в 2023 году, также стала стороной созданной по инициативе Великобритании в 2023 г. Коалиции военно-морского потенциала (*Maritime Capability Coalition*³¹), а истребители Финляндии приняли участие в патрулировании воздушного пространства над Болгарией и Румынией в июне 2024 года³². В ходе вступления в НАТО Швеция и Финляндия возобновили экспорт вооружений в Турцию, приостановленный в 2019 году³³.

В 2022 г. Великобритания, Польша и Украина подписали Трёхсторонний меморандум о сотрудничестве в сфере энергетики и кибербезопасности. Проявлением тенденции к формированию Балто-Черноморского региона безопасности является и желание Анкары присоединиться к проекту «Военная мобильность» под эгидой *PESCO*, а также приглашение Украины принять участие в учениях Совместных экспедиционных сил в качестве наблюдателя³⁴.

Движению в сторону складывания единого региона безопасности, помимо развития межрегиональных институтов, способствует тотальная секьюритизация, в которой Россия выступает референтным объектом

угрозы. Это, в свою очередь, ведёт к формированию общей идентичности безопасности. В этой связи аналитики *RUSI* считают, что создание в Черноморском регионе «сети военно-политического сотрудничества с акцентом на акваторию Черного моря» должно стать целью «стратегии ЕС и НАТО по сдерживанию России» [Melvin, Seskuria 2022: 3]. К аналогичному выводу приходят аналитики Фонда Р. Шумана, указывая, что «со вступлением Швеции и Финляндии в НАТО границы Европы приобрели теперь очертания дуги от Северного полярного круга до Персидского залива» [Magdin 2022: 3]³⁵. Таким образом, границы Европы интерпретируются ими в категориях безопасности – как границы между безопасным и небезопасным пространством, – а не в классических географических, исторических или культурных категориях.

В терминах Б. Бузана и О.Уэвера формирование межрегиональных связей и активизация сотрудничества между балтийскими и черноморскими государствами может рассматриваться как проявление тенденции к образованию единого Балто-Черноморского субкомплекса региональной безопасности. Однако говорить о формировании уникальной региональной идентичности в Балто-Черноморье (описанная выше идентичность безопасности является лишь её частью) было бы преждевременно,

³⁰ A Database of Military, Financial & Humanitarian Aid. Ukraine Support Tracker // Kiel Institute. 14.10.2025. URL: <https://www.kielinstitut.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/> (accessed: 20.10.2025). Дания поставила Украине противокорабельные ракеты Harpoon, Норвегия предоставила военную, финансовую и гуманитарную помощь в рамках программы Nansen Support Programme for Ukraine.

³¹ Danish Military Support for Ukraine // Danish Ministry of Defence. URL: <https://www.fmn.dk/en/topics/operations/ongoing-operations/danish-military-support-for-ukraine/> (accessed: 20.10.2025).

³² Finnish Jets Land in Romania for First Participation in NATO Air Shielding Mission // NATO. URL: https://ac.nato.int/archive/2024/FIN_arrival_MK_AirShielding (accessed: 04.08.2024).

³³ Sweden resumes arms exports to Turkey after NATO membership bid // National Post. 30.09.2022. URL: <https://nationalpost.com/pm/news-pmn/sweden-resumes-arms-exports-to-turkey-after-nato-membership-bid> (accessed: 20.03.2024); Soylu R. Finland permits first defence export to Turkey since 2019 // Middle East Eye. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-finland-permits-first-defence-export> (accessed: 20.03.2024).

³⁴ Johnson S., Ringstrom A. Ukraine Invited to Observe North Europe Defence Alliance Exercises // Reuters. 13.10.2023. URL: <https://jp.reuters.com/article/ukraine-invited-to-observe-north-europe-defence-alliance-exercises-idUSL8N3BJ2ZJ/> (accessed: 20.10.2025).

³⁵ Magdin R. The Black Sea, the Spectre of a New Iron Curtain? Foundation Robert Schumann. Policy Paper No. 638, July 2022. P. 3. URL: <https://server.www.robert-schuman.eu/storage/en/doc/questions-d-europe/qe-638-en.pdf> (accessed: 20.10.2025).

поскольку она должна иметь не только оборонное, но также экономическое и культурное измерение [Hettne 1993: 221].

К сдерживающим факторам относятся и традиции внеблоковости в финском и шведском обществах, сохраняющиеся несмотря на отказ от этого статуса, а также самостоятельная позиция Турции. Анкара выступила в качестве посредника во время украинского конфликта, предоставив площадку для российско-украинских переговоров в 2022, 2023 и 2025 годах и двусторонних обменов военнопленными в 2022–2023 годах. Кроме того, Анкара, следуя Конвенции Монтрё, закрыла черноморские проливы для прохода военных судов США к побережью Украины после 2022 года, а также с тревогой относится к превращению порта Александруполис в военно-транспортный хаб НАТО³⁶. Турция также пытается уклоняться от присоединения к антироссийским санкциям.

Следовательно, ввиду того, что после 2022 г. между балтийскими и причерноморскими государствами установились новые связи в сфере безопасности (институциональный компонент), основанные в том числе на восприятии России в качестве общей угрозы (идентитарный компонент), перспектива формирования Балто-Черноморского субрегиона безопасности является одним из сценариев развития системы европейской безопасности. Его реализация во многом зависит от позиции Турции и степени дальнейшей вовлечённости Швеции и Финляндии в новые, помимо НАТО, институциональные форматы военного сотрудничества, связывающие Балтику и Причерноморье.

Заключение

Распад СССР придал импульс региональному строительству на Балтике и в Причерноморье. Благодаря политической воле

субъектов сформировались многосторонние институты, нацеленные на решение проблем каждого субрегиона безопасности, и, как следствие, на восточной границе европейского РКБ возникли балтийский и черноморский субкомплексы с уникальной для каждого региона кооперативной повесткой. Участие России в институциональной структуре каждого из них способствовало размыванию границы между европейским и постсоветским РКБ.

В 1991–2014 годы главным мотивом регионализации в Балтийском регионе была заинтересованность субъектов в решении прежде всего уникальных проблем этого пространства в сферах экологической, экономической и социетальной безопасности, а также регионального развития. В то же время конфронтационные мотивы были связаны со столкновением российского и европейского подходов к региональному взаимодействию. При этом присоединение прибалтийских республик к НАТО и ЕС лишило их статуса периферийных пространств между европейским и постсоветским РКБ.

Аналогично, столкновение подходов к региональному строительству прослеживалось и в Причерноморье – противоречия были схожи с теми, которые имели место в балтийском ареале после расширения ЕС в 2004 году: с одной стороны, Черноморский регион был международным регионом безопасности, частью которого являлась и Россия, с другой – стал субрегионом Европейского союза, который в 2007 г. приобрёл статус «черноморской державы»³⁷.

После 2014 г. в обоих ареалах началась дерегионализация: конфронтационные тенденции возобладали над региональными кооперативными. Политическая обусловленность сотрудничества с Россией привела к эрозии институтов, формировавших субкомплексы безопасности, и способствовала углублению в них разделительных линий.

³⁶ *Yusufoğlu Y.* Turkish Thrace vs. Alexandroupolis: A New Page in the Turkey-Greece Energy Competition // *Politics Today*. 10.11.2022. URL: <https://politicstoday.org/turkish-thrace-vs-alexandroupolis-a-new-page-in-the-turkey-greece-energy-competition/> (accessed: 20.10.2025).

³⁷ *Aydin M.* Europe's next shore: the Black Sea region after EU enlargement (Occasional Paper No. 53). EU Institute of Security Studies. 2004. P. 3. URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/occ53.pdf> (accessed: 20.10.2025).

В условиях отката регионализации на основе конфронтационной повестки «сдерживания» России было интенсифицировано военно-политическое сотрудничество балтийских и черноморских государств. После 2022 г. усилились тенденции формирования Балто-Черноморского региона безопасности вдоль границ России и Белоруссии. Они представляют угрозу безопас-

ности Союзного государства России и Белоруссии, поскольку предполагают институциональное закрепление разделительной линии между европейским и постсоветским РКБ и фактическую невозможность решения специфических проблем региональной безопасности на Балтике и в Причерноморье без Москвы и Минска.

Список литературы

- Байков А.А. Библиография сравнительной интеграции в 2000-х годах // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 1(22). С. 58–73.
- Белухин Н.Е., Воротников В.В. Уроки балтийского направления внешней политики стран Северной Европы в 1989–2004 гг.: актуальные параллели // Сравнительная политика. 2024. Т. 15. № 3. С. 46–71. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-3-15-2.
- Воронов К.В. Балтийская политика России: через стабильность к добрососедству // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 9. С. 67–78. DOI: 10.20542/0131-2227-2003-9-67-78
- Воротников В.В. Современное состояние и перспективы реализации проекта Rail Baltica // Международная аналитика. 2016. № 2. С. 27–36. DOI: 10.46272/2587-8476-2016-0-2-27-36
- Воротников В.В., Чеков А.Д., Якутова У.В. Проекты регионального строительства в Балтийском регионе: наследие межвоенной эпохи и современная динамика // Международная аналитика. 2019. № 1–2. С. 52–64. DOI: 10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-52-64
- Воскресенский А.Д. Регионализм как парадигма мироустройства // Современная политическая наука. Методология / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 675–695.
- Гаврилова С.М. Черноморское направление политики Евросоюза и интересы России // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 4. С. 414–428. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-4-414-428
- Жильцов С.С. Политика России в Черноморском регионе: итоги и новые вызовы // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6. № 2. С. 149–164. DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-2-149-164
- Ильин М.В. Геохронополитика Балто-Черноморья // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 1(4). С. 49–57. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-1-4-49-57
- Ирхин А.А., Москаленко О.А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 498–516. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516
- Косолапов Н.А. Международный регион и его политическое пространство // Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития / Отв. ред. М.В. Стрежнева. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 23–37.
- Тупота О.М. Роль Черноморского региона в глобальной геостратегии США (1991–2013 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1. № 4. С. 137–150.
- Цымбурский В.Л. Как живут и умирают международные конфликтные системы (Судьба балтийско-черноморской системы в XVI – XX веках) // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 52–73.
- Юрьева Т.В. Проблемы региональной безопасности: современный опыт Европы // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6(15). С. 126–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-6-15-126-133
- Aliboni R. Globalization and the Wider Black Sea Area: Interaction with the European Union, Eastern Mediterranean and the Middle East // Southeast European and Black Sea Studies. 2006. Vol. 6. No. 2. P. 157–168. DOI: 10.1080/14683850600694221
- Åtland K. Redrawing borders, reshaping orders: Russia's quest for dominance in the Black Sea region // European Security. 2021. Vol. 30. No. 2. P. 305–324. DOI: 10.1080/09662839.2021.1872546
- Aydin M. Europe's new region: The Black Sea in the wider Europe neighbourhood // Journal of Southeast European and Black Sea Studies. 2005. Vol. 5. No. 2. P. 257–283. DOI: 10.1080/14683850500122943
- Aydin M. Regional Cooperation in the Black Sea and the Role of Institutions // Perceptions. 2005. Vol. 10. No. 3. P. 57–83.

- Barrinha A.* The Ambitious Insulator: Revisiting Turkey's Position in Regional Security Complex Theory // Mediterranean Politics. 2013. Vol. 19(2). P. 165–182.
- Buzan B.* People, States, and Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton: Wheatsheaf Books, 1983. 262 p.
- Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 596 p.
- Fawcett L.* Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism // International Affairs. 2004. Vol. 80. No. 3. P. 429–446. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2004.00391.x
- Hettne B.* Neo-Mercantilism: The Pursuit of Regionness // Cooperation and Conflict. 1993. Vol. 28. No. 3. P. 211–32.
- Hettne B., Söderbaum F.* Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. 2000. No. 5(3). P. 457–472. DOI:10.1080/713687778
- Hubel H.* The Baltic Sea Subregion after Dual Enlargement // Cooperation and Conflict. 2004. Vol. 39. No. 3. P. 283–298. <https://doi.org/10.1177/0010836704045204>
- Jæger Ø.* Securitizing Russia: Discursive Practices of the Baltic States // Peace and Conflict Studies. 2000. Vol. 7. No. 2. P. 18–36. DOI: 10.46743/1082-7307/2000.1009
- Kaljurand R., Mälksoo M.* From De-Securitisation to Re-Securitisation. Sub-Regional Multilateralism around the Baltic Sea. Analysis. International Center for Defence Studies. 2009.
- Kern K.* Governance For Sustainable Development in the Baltic Sea Region // Journal of Baltic Studies, 2011. Vol. 42. No. 1. P. 21–35. DOI: 10.1080/01629778.2011.538517
- Maciejewski W.* The Baltic Sea Region: Cultures, Politics, Societies. Uppsala: The Baltic University Press, 2002. 676 p.
- Melvin N., Seskuria N.* A New Security Order in the Black Sea. The Role of Georgia. London: RUSI, 2022. 20 p.
- Paasi A.* The Region, Identity, and Power // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2011. Vol. 14. P. 9–16. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.03.011
- Rusu D.* Regionalization in the Black Sea Area: A Comparative Study // Romanian Journal of European Affairs. 2011. Vol. 11. No. 2. P. 47–65.
- Sinovets P., Maksymenko I.* The Baltic–Black Sea Region in Great Powers' Relations: The Hard Power Aspect // Baltic-Black Sea Regionalisms. Patchworks and Networks at Europe's Eastern Margins / ed. by O. Bogdanova, A. Makarychev. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 75–86.
- Söderbaum F., Hettne B.* The New Regionalism Approach // Politeia. 1998. Vol. 17. P. 6–21.

REGIONALISATION AND DEREGIONALISATION IN THE BALTIC AND THE BLACK SEA SUBREGIONS

TOWARDS A UNITED SECURITY REGION?

VLADISLAV VOROTNIKOV

EVGENI PANKOV

DENIS NESTEROV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article dwells on the transformation of the Baltic and Black Sea security regions. It looks at these processes through the prism of the Regional security complex theory (RSCT) and Russian regional security studies of (Tatiana V. Yuryeva) and puts the issue in the context of the deteriorating relations

The research was financed by the Russian Science Foundation grant No. 24-48-10015, <https://rscf.ru/project/24-48-10015/>

between Russia and the West after 2014. The transformation of the two security regions is considered as a combination of two opposing trends: regionalization and deregionalization. The theoretical novelty of the study lies in the fact that the findings of the Copenhagen School of IR theory and RSC theory are refined taking into account the changes that occurred after the publication of Buzan and Weaver's *Regions and Powers: The Structure of International Security* (2003). As a result, the positions of the Baltic states and Turkey are critically revised, and attention is drawn to the formation of new institutionalized ties between the Baltic and Black Sea states in the field of security. The article examines trends that contribute to the formation of a unified Baltic–Black Sea security region, as well as factors that hinder this process. In this regard, the approaches of key players to region-building in the Baltic and Black Sea areas are analyzed, as the transformation of regional institutions is seen as the main indicator of regionalization and deregionalization. The study also uses the periodization method and comparative approach and critically analyses doctrinal sources.

Keywords:

Copenhagen school, security, Ukrainian crisis, regional security complex, security region, Baltic region, Black Sea region

References

- Aliboni R. (2006) Globalization and the Wider Black Sea Area: Interaction with the European Union, Eastern Mediterranean and the Middle East. *Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 6. No. 2. P. 157–168. DOI: 10.1080/14683850600694221
- Aydin M. (2005) Europe's new region: The Black Sea in the wider Europe neighbourhood. *Journal of Southeast European and Black Sea Studies*. Vol. 5. No. 2. P. 257–283. DOI: 10.1080/14683850500122943
- Aydin M. (2005) Regional Cooperation in the Black Sea and the Role of Institutions. *Perceptions*. Vol. 10. No. 3. P. 57–83.
- Barrinha A. (2013) The Ambitious Insulator: Revisiting Turkey's Position in Regional Security Complex Theory. *Mediterranean Politics*. Vol. 19(2). P. 165–182.
- Baykov A.A. (2010) Bibliografiya sravnitel'noy integratsii v 2000-kh godakh [Bibliography of Comparative Integration in the 2000s]. *Mezhdunarodnye Protssessy*. Vol. 8. № 1(22). P. 58–73.
- Belukhin N.E., Vorotnikov V.V. (2024) Uroki baltiyskogo napravleniya vneshney politiki stran Severnoy Yevropy v 1989–2004 gg.: aktual'nyye paralleli [The Lessons of Nordic States' Foreign Policy in the Baltic Region 1989–2004: Relevant Analogies]. *Comparative Politics*. Vol. 15. № 3. P. 46–71. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-3-15-2.
- Buzan B. (1983) *People, States, and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books. 262 p.
- Buzan B., Wæver O. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press. 596 p.
- Fawcett L. (2004) Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism. *International Affairs*. Vol. 80. No. 3. P. 429–446. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2004.00391.x
- Gavrilova S.M. (2020) Chernomorskoye napravleniye politiki Yevrosoyuza i interesy Rossii [Black Sea Vector of the European Union's Policy and Russia's Interests]. *Problemy postsovetetskogo prostranstva*. T. 7. № 4. C. 414–428. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-4-414-428
- Hettne B. (1993) Neo-Mercantilism: The Pursuit of Regionness. *Cooperation and Conflict*. Vol. 28. No. 3. P. 211–32.
- Hettne B., Söderbaum F. (2000) Theorising the Rise of Regionness. *New Political Economy*. No. 5(3). P. 457–472. DOI: 10.1080/713687778
- Hubel H. (2004) The Baltic Sea Subregion after Dual Enlargement. *Cooperation and Conflict*. Vol. 39. No. 3. P. 283–298. <https://doi.org/10.1177/0010836704045204>
- Il'in M.V. (2009) Geokhronopolitika Balto-Chernomor'ya [Geochronopolitics of the Baltic-Black Sea Region]. *MGIMO Review of International Relations*. № 1(4). P. 49–57. DOI: 10.24833/2071-8160-2009-1-4-49-57
- Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2021) Chernomorskiy region v konkurentsii geopoliticheskikh proyektov velikikh derzhav v 1991–2019 gg. [The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991–2019]. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 21. № 3. P. 498–516. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516
- Jæger Ø. (2000) Securitized Russia: Discursive Practices of the Baltic States. *Peace and Conflict Studies*. Vol. 7. No. 2. P. 18–36. DOI: 10.46743/1082-7307/2000.1009

- Kaljurand R., Mäliksoo M. (2009) *From De-Securitisation to Re-Securitisation. Sub-Regional Multilateralism around the Baltic Sea. Analysis*. International Center for Defence Studies.
- Kern K. (2011) Governance For Sustainable Development in the Baltic Sea Region. *Journal of Baltic Studies*. Vol. 42. No. 1. P. 21–35. DOI: 10.1080/01629778.2011.538517
- Kosolapov N.A. (2010) Mezhdunarodnyy region i yego politicheskoye prostranstvo [The International Region and Its Political Space]. In: Strezhneva M.V. (ed.) *Transnatsionalnoye politicheskoye prostranstvo: novyye real'nosti mezhdunarodnogo razvitiya* [Transnational Political Space: New Realities of International Development]. Moscow: IMEMO RAN. P. 23–37.
- Maciejewski W. (2002) *The Baltic Sea Region: Cultures, Politics, Societies*. Uppsala: The Baltic University Press. 676 p.
- Melvin N., Seskuria N. (2022) *A New Security Order in the Black Sea. The Role of Georgia*. London: RUSI. 20 p.
- Paasi A. (2011) The Region, Identity, and Power. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 14. P. 9–16. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.03.011
- Rusu D. (2011) Regionalization in the Black Sea Area: A Comparative Study. *Romanian Journal of European Affairs*. Vol. 11. No. 2. P. 47–65.
- Sinovets P., Maksymenko I. (2020) The Baltic–Black Sea Region in Great Powers' Relations: The Hard Power Aspect. In: Bogdanova O., Makarychev A. *Baltic-Black Sea Regionalisms. Patchworks and Networks at Europe's Eastern Margins*. Cham: Springer International Publishing. P. 75–86.
- Söderbaum F., Hettne B. (1998) The New Regionalism Approach. *Politeia*. Vol. 17. P. 6–21.
- Tsyburskiy V.L. (1998) Kak zhivut i umirayut mezhdunarodnyye konfliktnyye sistemy (Sud'ba baltiysko-chernomorskoy sistemy v XVI – XX vekakh) [How International Conflict Systems Live and Die (The Fate of the Baltic–Black Sea System in the 16th-20th Centuries)] // *Polis. Political Studies*. № 4. P. 52–73.
- Tupota O.M. (2015) Rol' Chernomorskogo regiona v global'noy geostrategii SSHA (1991–2013 gg.) [The Role of the Black Sea Region in the United States Global Geo-Strategy in 1991–2013]. *Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology*. Vol. 1. № 4. P. 137–150.
- Voronov K.V. (2003) Baltiyskaya politika Rossii: cherez stabil'nost' k dobrosoedstvu [Russia's Baltic Policy: Through Stability to Good-Neighborliness]. *World Economy and International Relations*. № 9. P. 67–78. DOI: 10.20542/0131-2227-2003-9-67-78
- Vorotnikov V.V. (2016) Sovremennoye Sostoyaniye i perspektivy realizatsii proyekta Rail Baltica [The Present State and Prospects for Realization of Rail Baltica Project]. *Journal of International Analytics*. № 2. P. 27–36. DOI: 10.46272/2587-8476-2016-0-2-27-36
- Vorotnikov V.V., Chekov A.D., Yakutova U.V. (2019) Projekty regional'nogo stroitel'stva v Baltiyskom regione: nasledie mezhvovnoy epokhi i sovremennaya dinamika [Region-Building in the Baltic Region: Legacy of the Inter-War Period and Modern Dynamics]. *Journal of International Analytics*. № 1–2. P. 52–64. DOI: 10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-52-64
- Voskresenskiy A.D. (2019) Regionalizm kak paradigma miroustroystva [Regionalism as a Paradigm of World Order]. In: Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. (eds.) *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Modern Political Science. Methodology]. Moscow: Aspekt Press, 2019. P. 675–695.
- Yur'yeva T.V. (2010) Problemy regional'noy bezopasnosti: sovremennyy opyt Yevropy [Problems of Regional Security: The Case of Europe]. *MGIMO Review of International Relations*. № 6(15). P. 126–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2010-6-15-126-133
- Zhil'tsov S.S. (2019) Politika Rossii v Chernomorskom regione: itogi i novyye vyzovy [Russian Policy in the Black Sea Region: Results and New Challenges]. *Post-Soviet Issues*. Vol. 6. № 2. P. 149–164. DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-2-149-164
- Åtland K. (2021) Redrawing Borders, Reshaping Orders: Russia's Quest For Dominance in the Black Sea Region. *European Security*. Vol. 30. No. 2. P. 305–324. DOI: 10.1080/09662839.2021.1872546